

Права человека
для миростроительства

SOCIAL
JUSTICE
CENTER

Права человека для миростроительства

Центр социальной справедливости

Тбилиси, 2021 г

Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного тбилисским офисом фонда имени Генриха Бёлля - «Позитивная трансформация Мирной политики посредством исследований и адвокати́рования». Мнения, выраженные в этой статье, принадлежат автору и не обязательно отражают точку зрения тбилисского офиса фонда имени Генриха Бёлля.

Автор: Теона Пиранишвили

Руководитель: Тамта Микеладзе

Перевод с грузинского: Анастасия Раики

Дизайн: Саломе Лацабидзе

Никакая часть данной статьи не может быть воспроизведена, переиздана или распространена в коммерческих целях, без письменного разрешения организации.

© Центр социальной справедливости

Адрес: И. Абашидзе 12б, Тбилиси, Грузия

Тел.: +995 032 2 23 37 06

<https://socialjustice.org.ge/>

info@socialjustice.org.ge

<https://www.facebook.com/socialjustice.org.ge>

Вступление

В нашем обществе и в политическом поле трансформация конфликта менее известное и общепринятое понятие, которое часто приводит к амбивалентному отношению из опасений, что это исключит, помешает или задержит разрешение конфликтов. Однако, если мы изучим литературу, разработанную вокруг этой концепции и практики ее применения, мы обнаружим, что трансформация конфликта - это не что иное, как процесс миростроительства, направленный на разрешение конфликта с использованием более систематических и устойчивых методов. Этот процесс критически важен в условиях серьезного социального конфликта, когда нет простых ответов о том, как разрешить конфликт, и когда радикально антагонистические отношения между сторонами конфликта сохраняются особенно долго. Трансформация конфликта - важный процесс, когда человеческие отношения, политическая повестка дня, институции, безопасная среда и мирное сосуществование воссоздаются в условиях тяжелого конфликта. Это многоуровневый процесс, который включает выстраивание общей повестки дня между сторонами конфликта, основанную на общих интересах безопасности, процветания и сотрудничества в различных областях. Он направлен на структурные изменения в восприятии между сторонами и в конечном итоге создает предпосылки для миростроительства и долгосрочного разрешения конфликтов. Роль прав человека в этом процессе критически важна, особенно если проанализировать тесную связь защиты прав с причинами конфликта и последствиями продолжающегося конфликта.

Отсутствие долгосрочного видения и политики трансформации конфликта и миростроительства в Грузии сопровождается регрессивной ситуацией с точки зрения безопасности и прав человека. Особенно после того, как конфликты приобрели резко международный характер и стали частью политической и правовой основы политики непризнания, видения и стратегии, связанные с миростроительством, похоже, исчезли из повестки дня. Стратегия взаимодействия и план действий, разработанные на формальном уровне, не оказались эффективным инструментом, который позволил бы достичь своих реальных целей и укрепить человеческое и гуманитарное измерения в процессе урегулирования конфликта. Действенное внедрение идеи прав человека в Мирную политику в настоящее время становится критически важным на фоне нынешних острых кризисов, которые ухудшают повседневную жизнь и правовой статус людей на оккупированных территориях и вокруг них. Такая ситуация в конфликтных регионах предполагает, прежде всего, что эмансипаторные идеи защиты прав человека должны стать катализатором миростроительства и позитивных преобразований конфликта. Цель данной статьи - кратко проанализировать роль прав человека в процессе трансформации конфликта, его многогранное значение и различные возможности для применения на практике. Это своего рода попытка увидеть права человека в контексте мирного преобразования потенциальных конфликтов.

Что означает трансформация конфликта?

Исследователи дают различные объяснения появлению «трансформации конфликта», как понятию относительно новому на практике и литературе о мире и конфликтах. Одна группа из них считает, что концепции «трансформации» способствовало неверное понимание и зачастую недобросовестное понимание / использование «разрешения конфликтов»; которое основано на победе / поражении одной стороны конфликта, мести, экономических санкциях, принуждении признать и принять предложенный, продиктованный метод решения другой стороны¹. Вторая группа связывает появление нового понятия с сужением комплексного процесса разрешения конфликта на практике с помощью различных методов медиации и разрешения споров, которые по большей части похоже на манипулятивный, искусственный поиск путей урегулирования конфликта, что не предполагает понимания причин и постепенного превращения их в мирный процесс².

Согласно другой точке зрения, понятие трансформации конфликта возникло после того, как отдельные социальные конфликты приобрели непрерывный характер, и механизмы решения этих проблем, включая медиацию, фасилитацию, переговоры или другие методы, оказались недостаточными. Трансформация особенно релевантна в асимметричных конфликтах, где преобразование неравенства сил и несправедливых социальных отношений является главной задачей³. Это процесс, направленный на преобразование систем, структур и отношений, которые привели к конфликту, с тем чтобы можно было построить справедливый и прочный мир.

Хотя есть некоторые опасения по поводу сужения понятия «разрешение конфликта» и его неправильного использования на практике, признается, что трансформация конфликта приобрела еще большее значение⁴. Разъясняя понятие трансформации, затяжные разрушительные конфликты не могут быть разрешены только путем заключения соглашения о прекращении огня или путем нахождения приемлемого для сторон метода урегулирования, но этот процесс должен идти дальше. Для примера этого Кристофер Митчелл приводит конфликт между южным и северным Кипром. По его словам, если стороны чудесным образом договорятся и разрешат конфликт почти 45-летней давности, на острове все еще есть две социально разделенные греческая и турецкая общины, если не принимать во внимание третью - общины, перемещенные из Турции, между которыми в будущем может вновь возникнуть конфликт, если их отношения не трансформируются в результате прочного и длительного процесса миростроительства⁵.

¹ Mitchell, Christopher (2002) "Beyond Resolution: What Does Conflict Transformation Actually Transform?" Peace and Conflict Studies: Vol. 9: No. 1, Article 1. p. 2. Available at: <https://nsuworks.nova.edu/pcs/vol9/iss1/1>

² Там же

³ Michelle Parlevliet, Human Rights and Conflict Transformation: Towards a More Integrated Approach, p. 379.

⁴ Mitchell, Christopher (2002), pg. 3.

⁵ Там же

Следовательно, трансформация не означает только устранение, но также необходимо иметь дело с истоками причин конфликтов и долгим процессом преобразования и развития отношений. Как пишет Ледерах: «Трансформация конфликта направлена на то, чтобы отреагировать на поток глубокого социального конфликта, чтобы создать процесс конструктивных изменений, который уменьшает насилие, повышает справедливость и отвечает на вызовы повседневной жизни в человеческих отношениях»⁶. Следовательно, трансформация - это не мгновенный ответ на конфликт, а непрерывный процесс построения мирных отношений.

Человеческое измерение миростроительства

Приведенное выше определение трансформации конфликта напрямую связано с пересекающимися идеями миростроительства и безопасности человека и формирует своего рода теоретическую основу для руководства этим процессом. Критике подверглось традиционное понимание миростроительства, основанное на теории конструктивизма, которое базируется только на идеологии власти, обороны и неприкосновенности государства⁷. Напротив, безопасность государства важно трансформировать в безопасность человека в самом широком смысле, что, в свою очередь, является неотъемлемой частью миростроительства.

В частности, безопасность человека имеет три измерения. С одной стороны, важно обеспечить безопасность и физическую неприкосновенность индивидов, с другой стороны, институциональную безопасность, которая подразумевает гарантию прав человека и безопасности государством на институциональном и законодательном уровне; и в-третьих, структурно-культурная безопасность, которая подразумевает создание социальных и культурных гарантий, преодолевающих бедность, голод, безработицу, неравенство в обществе, которое часто является серьезным следствием возникновения конфликтов.

Учитывая все эти три измерения, миростроительство - это не просто поддержание негативного мира при достижении прекращения огня, демобилизации, разоружения и т. д., такой мир часто бывает неустойчивым, особенно когда конфликты имеют глубокие социальные корни. Достижение негативного мира в значительной степени обеспечивает безопасность и неприкосновенность государства, в то время как для построения прочного мира, безопасность человека имеет важное значение. Понимание мира и безопасности, сфокусированных на государство, проблематично, поскольку оно пользуется поддержкой международных механизмов, которые на человеческом уровне на местах не имеют легитимности и не были достигнуты посредством внутренних дискуссий и взаимопонимания⁸. Однако такой мир явно

⁶ John Lederach. "Little Book of Conflict Transformation: Clear Articulation of The Guiding Principles By A Pioneer In The Field (The Little Books of Justice and Peacebuilding Series)", pg. 29.

⁷ Earl Conteh-Morgan, Peacebuilding and Human Security: A Constructivist Perspective, International Journal of Peace Studies, Spring/Summer 2005, Vol. 10, No. 1 (Spring/Summer 2005), pp. 69-86.

⁸ Там же

хрупок, потому что он игнорирует людей, те социальные и культурные тревоги, которые привели к конфликту и, следовательно, не направлены на изменение коренных причин конфликта.

Именно такое преобразование подразумевает трансформацию конфликтов, поскольку она направлена на построение устойчивого мира, основанного на эмансипаторных идеях. Для этого необходимо понимать мир и безопасность человека во всех их измерениях как взаимосвязанные процессы.

Роль прав в трансформации конфликта

В этом отношении права человека играют важную роль в процессе миростроительства, хотя взгляды на трансформационную роль прав также неоднозначны, и это требует нелинейного и комплексного понимания прав человека. Эта роль проявляется не только через правовые средства (суды, трибуналы) в привлечении людей к ответственности за нарушения прав или в создании соответствующих правовых гарантий. Права человека обладают более многогранным потенциалом для разрешения насильственного конфликта и могут превратить его в мирный процесс социальных, экономических, политических и культурных изменений⁹.

Понятие прав человека более активно связывается с проблемой разрешения конфликтов с 1990-х годов, когда внимание мира переключилось на конфликты внутри стран. Насильственные конфликты в бывшей Югославии (1992–1995) и геноцид в Руанде (1994) стали катализаторами, которые четко связали эти две области с точки зрения масштабов нарушений прав человека и международных гуманитарных нарушений во время этих конфликтов¹⁰. Следовательно, «мир» стал более тесно связан с «справедливостью», и мирные договоры также чаще фокусировались на правах человека, верховенстве закона, надлежащем управлении, равенстве и так далее. Права человека стали центральным вопросом в мирных переговорах, когда в постконфликтном контексте от государств требовалось создать систему правления, при которой права человека будут защищены и будут обеспечены соответствующие правовые меры в ответ на насилие в прошлом.

Между правами человека и разрешением конфликтов существует двойная связь - с одной стороны, нарушения прав человека рассматриваются как источник причины конфликта, а также его результат. Стороны конфликта могут использовать нарушения прав человека как один из механизмов для продолжения и разжигания насильственного конфликта. С другой стороны, конфликты могут возникать из-за массовых нарушений прав человека, например, когда государство притесняет и дискриминирует любую группу в своем обществе, что может проявляться в неравном распределении общественных благ, меньшем участии в политических

⁹ Michelle Parlevliet, *The transformative potential of human rights in conflict resolution*, pg. 16.

¹⁰ Там же; 17.

процессах, несправедливой и дискриминационной правовой системе и т. д. Когда мы говорим о нарушениях прав человека в результате конфликта, то основная задача в процессе урегулирования - положить конец насилию, привлечь к ответственности и продолжить мониторинг нарушений прав человека, предоставить гуманитарную помощь и наладить процесс миростроительства¹¹. Этот случай упоминается в литературе как процесс обеспечения негативного мира, направленный только на прекращение насилия. Хотя нарушения прав человека являются исходной причиной конфликта, одного обеспечения негативного мира недостаточно, и необходимы позитивные действия, которые включают построение политического равенства, социальной справедливости, справедливых и подотчетных институтов, конструктивных и мирных отношений¹².

Поскольку нарушения прав человека являются результатом или исходной причиной конфликта, их защита неизбежно должна быть неотъемлемой частью разрешения конфликта, хотя в этом случае подразумевается многомерное содержание понимания прав, которое выходит за рамки просто позитивистско-правового прочтения. С одной стороны, права человека играют важную роль в процессе мирных переговоров, особенно когда их нарушение привело к конфликту. С другой стороны, системный подход с точки зрения защиты прав положительно влияет на трансформацию конфликта, что, помимо создания механизмов мониторинга и правовой ответственности, подразумевает существенный институционально реформистский процесс. Кроме того, права человека могут играть важную роль в процессе критического понимания исходных причин конфликта и его разрешения. В то же время соблюдение стандартов в области прав человека - это независимый инструмент, который помогает установить объективные критерии, независимо от сторон конфликта и контекста, и придать большую валидность процессу миростроительства.

Мишель Парлевлиет видит роль прав человека в процессе трансформации конфликта в следующих четырех измерениях, которые способствуют построению справедливого и прочного мира в целом¹³.

- **Права человека, как правило,** устанавливают стандарты защиты на международном или национальном уровне. Они задают какие-то параметры в процессе трансформации конфликта. Хотя реализация прав человека может варьироваться в зависимости от страны в каждом конкретном контексте, на базовом уровне права - это согласованные на международном уровне ценности и принципы, которые с одной стороны, обязывают государство воздерживаться от их нарушения, а с другой стороны, принимать позитивные меры, создавать соответствующие институции для их защиты. В процессе трансформации конфликта — это юридически-позитивистское понимание прав человека имеет один

¹¹ Там же; 20.

¹² Michelle Parlevliet, "Bridging the Divide: Exploring the Relationship between Human Rights and Conflict Management," Track Two 11, no. 1 (2002): 8–43.

¹³ Michelle Parlevliet, Rethinking Conflict Transformation from a Human Rights Perspective, 2010, in: Véronique Dudouet & Beatrix Schmelzle (eds.). Human Rights and Conflict Transformation: The Challenges of Just Peace. (Berghof Handbook Dialogue No 9.) Berlin: Berhof Conflict Research, 15-46.

недостаток, который предполагает адаптированное к государству понимание прав (state-centric approach), исключающее негосударственных акторов из пространства обязательств в области прав человека. Однако эта точка зрения также подвергается критике сегодня, и ответственность и обязанности негосударственных акторов активно обсуждаются в области прав человека, а также в военном праве¹⁴.

- **Права человека как структура и институты** сосредотачиваются на исходных причинах конфликта и исследуют структуры, которые определяют вопросы власти, ресурсов, идентичности и безопасности. Это измерение прав человека в процессе трансформации конфликта побуждает стороны выйти за рамки конвенций в понимании прав и позаботиться о создании легитимных, независимых институтов, которые создадут средства для осуществления прав.
- **Права человека как отношения** - это именно то направление, которое признает, как вертикальное, так и горизонтальное понимание прав. В вертикальном смысле государство несет ответственность за защиту прав человека и предоставление подотчетных платформ своим гражданам. Для целей трансформации конфликта это означает, что структурные проблемы, влияющие на отношения между государством и отдельным лицом, подлежат подотчетности. В горизонтальном смысле люди также несут ответственность за то, как они взаимодействуют друг с другом и как функционирует общество. Это означает, что права человека существуют в социальном контексте, и «взаимное признание» является основной ценностью прав человека¹⁵.
- **Права человека как процесс** - в соответствии с этим измерением устойчивость мира зависит не только от содержания, но и от процесса достижения мира. Если какая-либо сторона конфликта считает, что процесс миростроительства был несовершенным, непрозрачным и не предполагал участия, его легитимность и устойчивость ставятся под сомнение, что также бросает тень на защиту прав человека.

Такое многомерное понимание прав человека отвечает социально-политической природе трансформации конфликта, описанной выше, и служит процессу построения справедливого мира и культуры прав человека. Более того, это способствует интернализации норм прав человека, ценностей и принципов в общественных настроениях, отношениях и поведении.

Многомерная роль трансформации конфликта и прав человека в этом процессе становится все более очевидной в результате наших наблюдений за многолетним конфликтом в Республике Кипр. Хотя этот конфликт имеет тяжелое насильственное прошлое и по-прежнему политически радикален с обеих сторон, в котором также активно участвует военное, политическое и экономическое влияние Турции, его все же удалось преобразовать и пойти по стопам мирного

¹⁴ Anumeha Mishra, State-Centric Approach to Human Rights: Exploring Human Obligations, 2019 REV. Quebecoise de DROIT INT'L 49 (2019); Christina Lafont, Accountability and global governance: challenging the state-centric conception of human rights, Ethics & Global Politics, Vol. 3, No. 3, 2010, pg. 198; Charles Beitz, The Idea of Human Rights, 2009, Oxford Scholarship.

¹⁵ Douzinas, Costas 2000. The End of Human Rights. Critical Legal Thought at the Turn of the Century. Oxford: Hart Publishing.

процесса т. н. человеческое / гуманитарное измерение в значительной степени решено. Под человеческим измерением в данном случае подразумевается тот факт, что сегодня отношения между сторонами конфликта, как на политическом, так и на общественном уровне, восстановлены – регулярно проводятся прямые встречи между политическими лидерами сев. Кипра и Республики Кипр; был создан ряд платформ для диалога между турецкими и греческими общинными группами, в том числе те, которые направлены на неформальное содействие официальному процессу политических переговоров¹⁶; восстановлены повседневные отношения и движение между Северным и Южным Кипром, по всему острову действует 7 пунктов пропуска, которые помимо ежедневного движения активно используются для экономических отношений¹⁷. Свобода передвижения, в свою очередь, способствует общению, культурным и деловым связям между людьми. Форматы для официального и прямого диалога о сотрудничестве по вопросам повседневной важности были установлены между сторонами в форме бикоммунальных комитетов при фасилитации Миссии ООН по поддержанию мира¹⁸. В рамках 11 тематических комитетов стороны конфликта регулярно работают над такими вопросами, как пункты пропуска и свобода передвижения, здравоохранение, образование, окружающая среда, коммерческая сфера, уголовные дела, гуманитарная помощь и многое другое.

Кроме того, Европейский суд по правам человека – это тот механизм, который внес значительный вклад в процесс трансформации конфликта. С одной стороны, судом признается, что вакуум прав человека не должен создаваться в контексте продолжающегося конфликта, и не только сторона, осуществляющая эффективный контроль – Турция несет обязательство защищать права человека, но также и Республика Кипр имеет позитивное обязательство принять соответствующие меры для устранения существующего правового вакуума, включая сотрудничество с непризнанным режимом сев. Кипра¹⁹.

Продолжающееся нарушение прав собственности, которое было одной из наиболее политизированных и острых правовых проблем в этом конфликте, было урегулировано постановлениями Европейского суда по правам человека, и на местном уровне была создана соответствующая институциональная и правовая база. В частности, Страсбургский суд, установив ответственность Турецкой Республики за продолжающееся нарушение прав собственности²⁰, вынес еще одно пилотное решение, которое обязало ее создать механизм проверки прав собственности на местном уровне, что было бы законным средством реагирования

¹⁶ Cyprus Dialogue Forum: <https://cydialogue.org/>.

¹⁷ Council Regulation (EC) No 866/2004 of 29 April 2004, Preamble, paras 4-5. US State Department Report on Human Rights Situation in Cyprus, 2016.

¹⁸ см: <http://www.uncyprustalks.org/>; See Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the question of human rights in Cyprus- 2013, 1 February, A/HRC/22/18, para 53. Report of UN OHCHR, 22 January 2014, A/HRC/25/21, para 3, 39. A/HRC/31/21, 1 February 2016, para 40-41, 58.

¹⁹ *Güzelyurtlu and others v. Cyprus and Turkey*, ECHR; *Loizidou v. Turkey*, ECHR, Merits, App. No. 40/1993/435/514 (1996)

²⁰ *Loizidou v. Turkey*, ECHR, Merits, App. No. 40/1993/435/514 (1996); *Cyprus v. Turkey*, ECHR, Merits App. no. 25781/94 (2001)

на факты нарушения²¹. Соответственно, на сев. Кипре создана комиссия по недвижимости для рассмотрения жалоб, чтобы компенсировать утерянную недвижимость греков на сев. Кипре²².

Попытка Европейского суда по правам человека включить наиболее политизированный и радикальный вопрос конфликта в правовые рамки подверглась критике на том основании, что это негативно повлияло на мирный процесс и оставило меньше места для подлинного компромисса на переговорах²³. Решение, принятое по делу Лоизиду, следует рассматривать в ходе переговоров как поддержку требованиям греков-киприотов о том, чтобы у них было право вернуть и восстановить право собственности на недвижимость. В этом случае суд практически постановил, что самопровозглашенная ТРСК не может быть субъектом с законными правами на собственность греков-киприотов. Соответственно, отказ режима де-факто свободно пользоваться своей собственностью был расценен судом как продолжающееся нарушение прав собственности²⁴. Однако, когда в деле Ксенидес-Арестис против Турции заявители подали иск о «потере имущества» в суд, решение суда касалось только компенсации, а не фактического восстановления прав собственности, следовательно, суд никогда не разделял максималистского требования греков-киприотов относительно возвращения и восстановления прав собственности²⁵. В связи с этим существует мнение, что суд мог позволить сторонам больше маневрировать на переговорах с более широким признанием права (а не сужать его до вопроса о компенсации)²⁶. Последующие решения Европейского суда относительно создания в ТРСК комиссии по недвижимости, которая непосредственно занимается только вопросами компенсации, заслуживали отдельной критики, потому что таким образом Европейский суд, похоже, признал легитимность правового механизма в рамках де-факто режима. Однако, несмотря на это политическое измерение, механизм урегулирования имущественных интересов после нескольких лет ожидания для некоторых лиц был важным шагом, и это в целом, не отменяет юридически вопрос о возвращении.

Этот процесс демонстрирует, что права человека могут играть важную роль в трансформации конфликтов, и в таких ситуациях их использование для стимулирования мирных процессов должно быть надлежащим образом спланировано и приниматься во внимание в контексте конфликта.

²¹ XENIDES-ARETIS v. TURKEY, ECHR, Merits, Final Judgment, 22.03.2006, Application no. 46347/99. para 38-42.

²² JOANNOU v. TURKEY, Application no. 53240/14, Merits, 12 December 2017 (Final on 12.03.2018); Eleni Meleagrou and Others v. Turkey (application No. 14434/09), decision of 2 April 2013, para. 18.

²³ Rhodri C. Williams and Ayla Gürel, The European Court of Human Rights and Cyprus Peace Issue: Charting a Way Forward, PCC Paper 1/2011, pg. 1

²⁴ ECtHR, Loizidou (Merits), paras. 44-46

²⁵ Rhodri C. Williams and Ayla Gürel, The European Court of Human Rights and Cyprus Peace Issue: Charting a Way Forward, PCC Paper 1/2011, pg. 4. В связи с этим, по мнению греков-киприотов, компенсация будет приемлема только тогда, когда возврат собственности в связи с ее физическим уничтожением будет невозможен.

²⁶ Rhodri C. Williams and Ayla Gürel, The European Court of Human Rights and Cyprus Peace Issue: Charting a Way Forward, PCC Paper 1/2011, pg. 7-9.

Ясно, что следует отметить роль влиятельных международных акторов в контексте такой трансформации конфликта на Северном Кипре, принимая во внимание, например, тот факт, что подобный инцидент не повторялся между сторонами в конфликте с момента насилия 1975 года, что можно рассматривать как заслугу Постоянной миротворческой миссии ООН с начала конфликта, которая образует т.н. буферную зону между севером и югом. Кроме того, весь каскад трансформационных процессов, включая восстановление движения и процесс решения юридических и гуманитарных вопросов между сторонами конфликта, был осуществлен в результате активного участия Европейского Союза. Первые контрольно-пропускные пункты между Севером и Югом открылись 23 апреля 2003 г., когда активно рассматривается процесс присоединения Кипра к ЕС, и ЕС принял так называемое «Положение о зеленой линии» в целях восстановления движения. Следует отметить, что этому решению Евросоюза предшествовало одно из важнейших дел Европейского суда, где ограничение пересечения зеленой линии было расценено судом как грубое вмешательство в свободу передвижения²⁷.

Очевидно, что процесс трансформации кипрского конфликта требует более глубокого анализа, поскольку он не ограничивается юридическим измерением и имеет глубокие исторические, политические и социальные направления в этих процессах, в которых многочисленные акторы играли свою роль на международном и местном уровнях. Однако приведенные выше примеры показывают, насколько многогранным может быть использование прав человека в процессе миростроительства. Их роль выходит за масштабы простого использования правовых механизмов, хотя она также имеет важные последствия для создания институций на локальном уровне и для трансформации отношений. Многогранное использование прав человека в данном случае было направлено как на уменьшение насилия, так и на установление негативного мира, оно также улучшило повседневную жизнь и отношения людей, разрешив гуманитарную сторону конфликта. Хотя это длительный процесс и не гарантирует, что конфликт будет своевременно или вообще разрешен, решение юридических и гуманитарных вопросов имеет решающее значение для его дальнейшего существования, в противном случае конфликты будут регрессировать, а не разрешаться, ощущение угнетения и несправедливости растет по мере того, как нарушения прав человека продолжаются после окончания горячего конфликта. Перед лицом затяжного урегулирования конфликтов, когда люди вынуждены десятилетиями жить под политическим и правовым влиянием непризнания, интересы человеческого благополучия, безопасности, защиты прав и удовлетворение основных гуманитарных интересов имеют приоритет. Вот почему обеспечение безопасности человека в процессе миростроительства имеет критическое значение на индивидуальном, институциональном и структурно-культурном уровнях. Именно здесь пересекаются цели и идеи защиты прав человека, трансформации конфликтов и миростроительства.

²⁷ DJAVIT AN v. TURKEY, ECHR, Merits, Application no. 20652/92, 20 February, 2003.